

С Владимиром Борисовичем Микушевичем меня познакомили Виктор Коллегорский и Борис Скуратов. Они позвали меня на семинар Микушевича, который он вёл в Институте журналистики и литературного творчества. Тогда он находился в здании редакции «Литературной газеты»,

Это было в 1994-м или 1995-м году.

Я пришёл на семинар и принёс книжку «Дао Дэ Липовка вэй», которую написал летом и осенью 1994 года.

Это такой уток по основе «Дао Дэ цзин».

Цзин — это основа, канон, а вэй — уток, апокриф.

Только у меня в книжке речь идёт не об абстрактных вещах, а о вполне конкретных — о деревне Липовка.

Это деревня в 400 километрах от Москвы, на восточной окраине Рязанской области, почти на границе с Мордовией.

До ближайшего асфальта 12 километров по бездорожью.

Говорят, что Липовка находится за двумя реками.

Одна река — Мокша, а другая — Старица, то есть старое русло реки Мокша. Это такое озеро шириной как река, а длиной несколько километров.

Есть ещё более старое русло реки, которое называют Чёрным Озером.

Книжка Владимиру Борисовичу понравилась.

Но ещё больше ему понравилась деревня Липовка.

Поначалу только по моим рассказам.

Даже 13 лет спустя, когда он писал предисловие к моему сборнику стихов «Ритуальные числа», вышедшему в 2008 году, он упомянул Липовку, обозвав меня певцом родной деревни.

И ещё написал, что эта «лирическая хроника деревни Липовка вполне вписывается в древнейшую книгу Лао-цзы Даодэцзин, или, вернее, книга Даодэцзин совершенно

вписывается в хронику деревни Липовки, с чем сам Лао-цзы, наверное, охотно согласился бы.

На самом деле, это не моя родная деревня.

Я родился и всю жизнь прожил в Москве.

Но в 1990-м году мы с женой купили дом в этой деревне.

И, пожалуй, я охотно соглашусь, что эта деревня стала мне родной.

В том же 2008-м году я пригласил Владимира Борисовича посетить Липовку.

Ко мне как раз ехали на машине мои друзья и коллеги Серёжа и Вера.

Они заехали в Малаховку и взяли с собой Владимира Борисовича и Татьяну Владимировну.

В этом слайд-фильме я сначала покажу фотографии Липовки и её окрестностей, чтобы вы увидели, куда же я звал Владимира Борисовича.

А пока будут мелькать кадры, я почитаю немножко стихов и несколько главок «Дао Дэ Липовки вэй».

004-004

Луга, луга, и дальний лес
со стороны восходящего солнца
в утренней дымке.
Мокрой травы под ногами шелест.
Одиноких деревьев встречаю длинные тени.
Хочется остановиться, но не близок конец пути.
В дальнем селенье крик петухов и лай собак.
У старицы тихой старик-рыбак
просит меня не спешить.
Остановился: не знаю, как быть.
Дело какое ко мне у него?
Или просто добрый совет:
с грязью мирской мне плыть?

027-026

Липовка,
которая может быть описана словами,
не есть истинная Липовка.

То, что можно сказать о ней, - меньше,
чем голос ветра,
перелетающего с луга на луг
мимо моего дома между небом и землёй.
Я чувствую, что у неба и земли Липовки
есть единое начало,
но оно не имеет имени.

То, что имеет имя и зовётся Липовкой, -
мать всех вещей,
окружающих меня в этой деревне.

Когда я бреду бесцельно
по песчаной дороге,
огибающей опушку соснового леса,
мне кажется, я ощущаю
сокровенную тайну Липовки.

Когда я озабочен
простыми деревенскими заботами,
я вижу её
в простых вещах деревенского быта.

Но и то, и другое имеют один исток
и различаются лишь названиями.

Все категории Липовки
в глубочайшей сути своей есть одно.

Вход в это глубочайшее -
дверь ко всему чудесному.

061-063

Тот, кто ожидает найти в Липовке
альтернативу миру, будет разочарован.
Когда он увидит прекрасное,
рядом же обнаружит и безобразное.

Встретившись с добрыми людьми,
на следующий день увидит и злых.

Рождение и смерть переплетены здесь.

Слушая тишину, можно услышать
и шум мотора или пьяные крики.

Любуясь закатом,
можно вернуться домой с лицом,
опухшим от укусов комаров.

Высокое и низкое взаимно дополняют
друг друга.

Лёгкая беззаботность и тяжесть быта и труда
ограничивают друг друга.

Прошлое и будущее деревни соединяются
в настоящем причудливо и ненадёжно.

Понимающий это, живёт себе спокойно,
он не старается непременно отдыхать
или непременно работать,
и все дела совершаются
как бы сами собой,
а здоровье и силы прибавляются
и покой обретается.

Мудрость Липовской жизни
заключается в том, чтобы жить.

Здесь удаётся это естественное
соединение праздности и труда,
когда дело - это то, что хочется делать:
собирать грибы,
поливать огород,
топить печь,
даже строить забор.

Я давно заметил, что в Липовке
не нужно о чём-либо беспокоиться:
всегда так получается, что
всё движется без усилий,
во всяком положении откроется выход,
любая потеря обернётся приобретением,
столпотворение гостей не помешает
одинокости,
если кончится хлеб - появится хлеб,
каждому найдётся постель для сна
и место за столом.

В Липовке можно вдоволь наговориться
друг с другом,
а можно вовсе не прибегать к словам.

Главное - не останавливаться в потоке
естественного времени,
не пытаться свернуть в сторону,
находясь в покое, плыть по его течению,
как во время купания в Старице.

Липовка - это не место, а путь -
во времени и даже в пространстве,
потому что дороги входят в деревню
и выходят из деревни,
бегут по лугам и кружат по лесу,
пересекаясь, сближаясь и расходясь
по всем восьми направлениям.

И только тот, кто не останавливается,
не отстанет в пути.

ВЕРНИСАЖ

Долгие годы мы с моим другом, художником Александром Белугиным развлекались так: отдыхая в Липовке, рисовали картинки, а ближе к концу пребывания в деревне устраивали вернисаж однодневной выставки.

Когда Белугина не было, я делал всё сам.

Но также присоединялись и другие люди, особенно, это нравилось детям.

Мы устраивали выступления с чтением стихов, пением песен и тому подобное.

На вернисаж публика собиралась со всей деревни.

Конечно, не только для того, чтобы посмотреть наши картинки,

но и для того, чтобы пообщаться, а также выпить и закусить, а потом петь липовские песни.

И выпивку и закуску приносили все, кто может и хочет.

Вернисаж 2008 года назывался «ГДЕ МНОГО СВЕТА И НЕБА».

155-163

Владимир Борисович прибыл как раз к открытию
вернисажа.

А пока Владимир Борисович и другие гости рассматривают картинки и общаются друг с другом, я почитаю ещё из Дао Дэ Липовка вэй.

Липовка - это просто деревня
 между небом и землёй,
среди лугов, лесов и озёр.
Чего здесь больше всего, так это
 простора.
Простор - это пустота,
 то неисчерпаемое, благодаря которому
 всё существует.

Он кажется праотцом всех вещей.

Здесь свободно летит
и ветер,
и луч солнца,
и взгляд человека.

Благодаря простору вещи не теснятся
и сохраняется их острота,
бесчисленные нити вещей,
 событий,
 чувств
 и мыслей
не превращаются в хаос.

В этом объёме много места для света
и каждая пушинка травы
 имеет право на свободный полёт
 и независимое существование.

Простор уравнивает между собой все
существа и хранит их жизнь.

Я не знаю, кто создал эту пустоту, но
кажется, она существовала прежде неба.

Ну, вот, кажется, все готовы смотреть и слушать выступления наших авторов.

А я читаю дальше.

Время в Липовке бежит быстро и жизнь
полна.

Но не стремись наполнять её искусственно
- лучше ничего не делать.

Желание полноты жизни есть проявление
алчности.

Тот, кто копит, не убережёт накопленное.

Липовка показывает, как можно
освободиться от того, что обычно
свойственно человеку.

По сравнению с городом жизнь в Липовке
кажется пустой,
поэтому она и полна.

Это и есть небесное Дао Липовки.

В Липовке так хорошо, что
люди не боятся жизни с самого рождения
и не умирают до самой смерти.

Выступления закончены. Теперь можно выпить и закусить.

Людам нравится прямое, гладкое и блестящее.
Но великая прямота кажется кривой,
великая гладь кажется шершавой,
великий блеск кажется тусклым.

Люди любят металл.
Человек Липовки любит дерево.

Он ищет
совершенство в изъяне,
полноту в пустоте,
правду во лжи,
мастерство в неумении,
ум в глупости,
речь в немоте.

По улицам города ходят металлические
люди,
они входят в двери как ключ в замок,
они сидят за столом как вилка в розетке.

Уж лучше я поеду в Липовку,
где нет этой хитрой механики,
где дерево восхитительно непрочное,
где жизнь упоительно несовершенна.

А вечером мы с Владимиром Борисовичем в гостях у Лены Камбуровой.

Её дом недалеко от нашего, между задними дворами наших домов не больше пары сотен метров.

Время сжимается
до ночного мгновения
между двумя тиками часов.

И всё дальше и дольше,
дальше и дольше,
дальше и дольше

тянется и длится
твоё неповторимое
личное
отсутствие.

На следующий день во время прогулки вдоль Чёрного Озера Владимир Борисович спрашивает меня:

— А водятся ли в липовских лесах лисы?

— Говорят, что водятся, я тоже один раз видел лису.

— А нет ли среди них лис-оборотней?

Это он вспоминает Пу Сунлина, его «Описание чудесного из кабинета Ляо», которое в переводе Алексеева называлось «Лисьи чары».

Там главная героиня — лиса — обольстительница, искусительница, соблазнительница.

Наверное, это ему навяли ночные посидели у Камбуровой.

После Чёрного Озера едем на Липовские холмы.

Когда-нибудь опять
приду я на тот холм,
где небо близко,
сосны одиноки,
и на бревне поваленном
рассаживаясь чинно,
мы будем говорить,
на этот раз
о чём-то очень важном,
но непроизносимом,
бабочка
будет летать
кругами вокруг нас,
и ветер,
и даль,
и время, пресуществляющееся в вечность.